
Когда я уйду с работы,
Отметивши факт сего,
Захочется вдруг чего-то
Живого и своего...

...Поеду в Мытищи к Олегу!
С ним вместе гулять пойду.
Пройдемся по рыхлому снегу,
Последнему в этом году.

Мы выпьем с ним газировки,
А завтра — придет весна.
Вернется с командировки
Олеговская жена.

И пряча в кошелке тыщи
Магнитиков и саше,
Ворвется в своё Мытище,
Прогонит меня взашей.

А я, не в обиде вовсе,
Смотрю, как в пяти шагах,
Гуляют большие лоси
На длинных своих ногах.

Улетишь в двадцать два, и уже никогда
не вернёшься,
И вернуться бы рад, да кассир не меняет билета.
Ты залезешь на полку, закроешь глаза
и свернёшься
Калачом, поистершимся словно в минувшее лето.

Понадкушенным бабой, со свежим оскалом
помады,

А из раны — не кровь, так — труха, шелуха,
требушина.

Ты ее убедил, что так надо, так надо, так надо,
Так-на-так, так-на-так — едет поезд, он тоже
мужчина.

С верхней полки всё видно, всё небо, все лётные
птицы,

И уже не саднит, только хочется крепкого чаю.

И ты спустишься вниз, снизойдя до услуг
проводницы,

По дороге качает, качает, качает, качает...

Проводница стоит, слишком прямо стоит,
не качаясь,

Слишком прямо глядит, как по крошке тебя выедавая.

Она выдаст стакан, подстаканник и спросит, скучая:
«Так куда, говорите?» «И правда, — смутишься, —
куда я?..»

И пойдешь, проливая свой чай, обжигающий
пальцы,

Чтоб, не видя пейзажа, пялиться в темные окна,

Видя только глаза, что безмолвно просили остаться,

И ты мог бы остаться, ну разумеется, мог, но...

Где перрон — там перо, без которого глупое тело
Не желает взлетать, и не верит ни в бога, ни
в черта.

Ты посмотришь в окно, и увидишь, как что-то
взлетело,

Сожалея, быть может, о чем-то.

ПРОФИЛАКТИКА

Забулькала четвертая кастрюлька,
Сниму ее с огня и отнесу
Туда, где бестолковой сосулькой
Кран молча отражается в тазу,
Как веточка в малиновом пруду.

И я к тебе помыться не приду,
Нет, я к тебе помыться не приду,
Ведь у тебя арестовали воду,
Как сломанное дерево в саду,
Цветок запретный в центре огорода.

И мы пойдем по улицам гулять,
Среди деревьев с непомытой кроной,
В тени деревьев я поправлю прядь,
Взметнувшуюся к небу, как корону,
И стану тебя в губы целовать.

Я стану тебя в губы целовать,
И волосы немые ерошить,
В земного шара влажную кровать
Улягутся события из прошлого,
И мы ее не будем ворошить.

Мы будем дальше потихоньку жить,
Сажать цветы по стульям огорода,
Да в чашечке кофейной ворожить.
Но чашечки коленные сложить
Сюда вернемся в середине года.
Когда вдруг распогодится погода,
И Богу нам захочется служить,
Нам Бог откроет кран, и пустит воду,
И пусть она по городу бежит,
Спонтанно огибая гаражи.

Нам будет неприлично хорошо,
Когда мы будем спинами друг к другу
Стоять под перевернутым ковшом
Большим, а после Малым,
Так по кругу.

А помнишь, когда не было воды
Горячей в кране, были только руки
Горячими, и крошками слюды
Блестели капли ледяной воды,
Дрожа
в испуге.

Впечатывая прошлое в бутылку,
На воды разноцветные смотря,
Перебираю пальцами ветра,
Снующие меж прядями затылка.
Я брошу каждой рыбке по рублю,
Чтобы хоть раз сюда еще вернуться
По истеченьи новой эволюции,
Но, Яуза, тебя я не люблю.
Мне не нужны мосты твои и волны,
Я их повдоль давно уже прошла.
Я стерла ноги, полкарандаша,
А ты опять не очень-то довольна.
За горлышко бутылку я беру,
Бросаю вниз, и провожаю взглядом
Две тени, оказавшиеся рядом
Ребро к ребру.

В кепке, пиджачке салатовом,
Средьбилбордовских махин,
Парень вида гоповатого
Декламирует стихи.

У него маманя — дворника,
А папани — вовсе нет.
Он не просыхал со вторника,
А туда же, глянь — поэт!

Еще было бы понятственно,
Если б мёл он ерунду.
Но стоит зеленым ясенем,
Отражается в пруду.

Над асфальтом «адидасы»
Воспаряют на излёт,
Когда он умелым брассом
Между строчками гребет.

Может, учится на токаря,
Может, ходку отсидел...
Стих пульсирует и токает,
И звенит грудной отдел

Позвоночника в салатовом,
Очень глупом пиджаке.
Но приветствую, как брата я
Слово каждое в строке.

Подойду, встряхну за плечи,
И скажу, по чину чин:
«Есть стихов еще по-мелочи?
Слышь, братуха, — научи!»

Разложи раскладушку, Господи, дай уснуть на твоём плече.

Я сама не своя, да чья-то, Ты Велик, только все ж ничей.

Я, не глядя в глаза, не плача, буду долго с Тобой молчать.

Ты кричи, напевай, ругайся, но поставь на тоску печать.

Я молчу, а сама болтаю, водянисты мои слова.
Слово сказанное — птица серая, воробьиная голова.

Слово каждое ищет жердочку, приутешиться под бедой.

Ищет рваное, чтобы вырваться, желобок, чтобы стечь водой.

Разорви свой рукав рубахи — мы ж по образу Твоему? —

Значит, есть на Тебе рубаха — не отдай ее никому,
Я в прореху пушу слова свои, непоседливых воробьев,

И они по руке запрыгают, зачирикают — забавьё!..
Ты посмейся со мною, Господи, видя радость летящих слов.

Ведь воробышки — птички Божии, стая светлых Твоих голов.

Со словами все слезы кончатся, птицы выпьют их до одной.

Все печали мои посклеваны, крошки собраны бородой

Твоего лица человеческого — мы ж по образу Твоему?..

Хочешь, Ты мне поведай что-нибудь, честно-честно — я никому!

И начнем мы с тобой секретничать, я — пират, Ты мой старший брат,

Замелькают слова-воробышки, как рассыпанный
виноград,
На песках притаились стеклышки, перья, камушки,
угольки,
Это все — Твое чудо, Господи, это дело Твоей руки.
Через это цветное марево небо кажется золотым.
Ты хохочешь, Тебе так нравится быть
бесхитростным и простым.
Как покойно с Тобой, как радостно, мягко спать
на плече Твоем.
Полежи, я схожу за нитками, мы рубаху Тебе
зашьем.

Я суп готовлю на воде,
Сама ж в нее плюю...
Я так люблю своих детей,
Себя лишь не люблю.
Они уснут, и пух волос
Кружит вокруг голов...
В раскрытых ртах застыл вопрос.
Мне не хватает слов.

И мужа тихие глаза
Ласкают мне висок...
Иди ко мне, я только за,
Нам простыня — песок.
И одеяло нам — волна,
Шумит в окне прибой.
И если в море есть война,
То лишь с самим собой.

...Я суп варю четвертый день,
И всё не доварю.
Мне говорить сегодня лень —

Ни с кем не говорю.
На кухне лампочка горит,
Я тусклый свет стерплю.
Я так люблю свой стылый быт,
Себя лишь не люблю.

Я дама полусвета
В капроновых чулках.
Люби меня за это,
Люби меня за так.

Хватай тугие кудри
И зажимай в горсти.
Но мне мозги не пудри,
Не плачь и не грусти.

Люби меня и смейся,
Танцуй и пей абсент.
Оставь в покое сердце,
Его на месте нет.

Не надо строить драму.
Кати, мой шарабан!
Я дама хулигана,
Я дама-хулиган.

С мужчиной полумрака
Я завернулась в плед.
И каждая собака
Скулит нам что-то в след.

В Первомай без попойки скучно,
Значит, здравствуй, родные сотки!
Люди едут со станции Кучино,
Люди пахнут костром и водкой.

Завтра будет у них похмелье,
Пиво робкое вместо кофе.
Ноги топают в подземелье,
Души в углях пекут картофельь.

И садится печальный Чехов
В электричку, как шпрота в банку.
У него расшатались нервы,
И кредит не погашен в банке.

В поликлинике шум и свары,
Бабки, мамки, косые взгляды:
Надо ж, доктор, и с перегаром!
Нет вам веры, так вам и надо!

Нет вам Веры, блядует Люба,
Надя вечно больна и плачет...
Доктор Чехов кусает губы.
Первомай, и пора на дачу.

Я уснула сегодня в четыре часа утра
Я легко могла бы промаяться до светла
Но внезапно вырубилась влипла в сон
В свое ложе как в ложу и я в ней главный масон

Свои ляжки как ложки сложила в ансамбль един
Ловим сны как снежинки глотаем их и едим

Сны летят в пищевод прямым миновав гортань
Сны как мухи летают достань фумигатор Тань

Таня шарит руками в обшарпанных простынях
Я ее разбудила смахнула ее с коня
Таня шарит руками ругая зачем-то мать
Кони шпарят ногами своего уже не видать

И раздвоенный зуб вонзиться готов в тройник
Он для жизни мушиной последний лихой турник
Мухи будут толпиться влетая в дверной проем
Подметем мы их утром совочком их соберем

Среди трупов мушиных Таня найдет коня
И отыщет может что-нибудь для меня
От масонских братьев тайный какой-то знак
Где искать я не знаю но скоро узнаю как

Набегают как волны стрелки тик-так тик-так
И кровят у Щелкунчика десны трик-трак трик-трак
Я ложусь приветствуя ложу кидая длань
Не ворочайся Таня Танечка перестань.

ТО, ЧТО Я ДОЛЖНА СКАЗАТЬ

Когда меня просят что-то сказать о войне,
Находит странное чувство отсутствия горла,
Отсутствия глаз, позвоночника гордого,
Отсутствия жизни во мне, как в отдельной стране.

Вы скажете, глупо, укажете на гордыню,
Но я помню каждый простреленный локоть,
Грудь в разрезе, чью-то животную похоть,
Вскрытый живот, похожий на рваную дыню.

Вывороченные суставы, жженные волосы,
Кости, торчащие из-под платица...
Сжигают в печи жидовку, и кожа плавится,
И тает, и свечкой станет, на стенах полосы

Оставит, когда ее подожгут сызнова,
Запляшет нелепой тенью от тела бывшего,
Когдатошнего, здорового и болевшего,
Рассыпанного золой остывшею.

Я ползла через лес, и волокла половину
Человечьего тела, половину мундира,
Половину оружия ротного командира,
Примотав к себе неразрывною пуповиной.

Я ползла через лес, и вроде бы даже выползла,
Только лес все ползет и ползет сквозь голову,
Будто тощая вошь по ребенку голому,
Испражненье чужого больного вымысла.

Но я выжила, Боже, не выживая, выжила,
Не ползая по окопам, лишилась конечностей,
И видела свет, и путалась в бесконечности,
И, чтобы выжить, все свои силы выжала.

Вы тоже — признайтесь! — вы тоже помните,
То, что в голову вмонтировано генетически,
Что звенит и в земле, и в лампочке электрической,
В майской, мирной, маминой теплой комнате.

Сохрани мою память, Боже, как эту комнату,
Конкретную комнату дома вполне конкретного,
И если захочешь дыма — не чернее, чем
сигаретного,
А если огня захочешь — есть и попроче поводы.

А если однажды случится — попутает все же бес —
Не останется памяти, кроме привязанных
ленточек, —
Накажи снегом в мае, сорви ветром пилотки
с девочек,
Но не возвращай нас, Господи, в этот
проклятый лес.

Я потеряла вчера в Промзоне
Свой кошелек.
Он из кармана комбинезона
На землю лег.

Я, обнаружив свою потерю,
Была так зла.
Домой вернулась, врубила телик,
И вдруг сползла:

С моей Промзоны вперед ногами
Несли людей...
Спасибо, Боже, что взял деньгами,
Теперь — налей.

И был звонок мне, явленье брата
И трех шалав.
Одна как будто из шоколада,
А две — из трав.

Они шатались и пахли так же —
Две конопели.
А негритянка наречьем вражьем
Чего-то пела...

...Их выдворяя, лишалась крови,
Был стук и гром...
Спасибо, Боже, что взял здоровьем,
Оставил дом.

Устало села — без настроенья
И с синяками.
Бороться трудно с фальшивым пеньем
И сорняками.

Неужто будет, без одобренья,
Мой жадный брат
Отведав травки, дав удобренья,
Пить шоколад?..

...Да что ж там скачет — за потрохами,
Стучится злей?
Спасибо, Боже, что взял стихами.
Теперь — налей.